

be deprived of the rights of fair and regular trial", being still covered by GC IV Art 5. The only possible exception to GC IV Art 5 is when he is a national of the authority imprisoning him, in which case he would not be a mercenary soldier as defined in APGC77 Art 47.d.

If, after a regular trial, a captured soldier is found to be a mercenary, then he can expect treatment as a common criminal and may face execution. As mercenary soldiers may not qualify as prisoners of war (PoWs), they cannot expect repatriation at war's end. The best known post-World-War-II example of this was on 28 June 1976 when, at the end of the Luanda Trial¹ an Angolan court sentenced three Britons and an American to death, and nine other mercenaries to prison terms ranging from 16 to 30 years. The four mercenaries sentenced to death were shot by a firing squad on 10 July 1976 [Frank McLynn. Killer elite. date of access 27.10.2011 [<http://www.newstatesman.com/200001170056>].

The legal status of civilian contractors depends upon the nature of their work and their nationalities with respect to that of the combatants. If they have not "in fact, taken a direct part in the hostilities" (APGC77 Art 47.b), they are not mercenaries but civilians who have non-combat support roles and are entitled to protection under the Third Geneva Convention (GCIII 4.1.4).

On 4 December 1989 the United Nations passed resolution 44/34, the International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries. It entered into force on 20 October 2001 and is usually known as the UN Mercenary Convention [International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries (A/RES/44/34). 72nd plenary meeting 4 December 1989]. Article 1 contains the definition of a mercenary. Article 1.1 is similar to Article 47 of Protocol I, however Article 1.2 broadens the definition. Critics have argued that the convention and APGC77 Art. 47 are designed to cover the activities of mercenaries in post-colonial Africa and do not address adequately the use of private military companies (PMCs) by sovereign states [Guy Arnold. Mercenaries: The Scourge of the Third World. Palgrave Macmillan, 1999].

However, the difficulty of defining a mercenary soldier is revealed in modern practice. While the United States governed Iraq, no U.S. citizen working as an armed guard could be classified as a mercenary, because he was a national of a Party to the conflict. With the hand-over of power to the Iraqi government, if one does not consider the coalition forces to be continuing parties to the conflict in Iraq, but that their soldiers are sent by a State which is not a Party to the conflict on official duty as a member of its armed forces, then, unless U.S. citizens working as armed guards are lawfully certified residents of Iraq, i.e., a resident of territory controlled by a Party to the conflict, and they are involved with a fire-fight in the continuing conflict, they are mercenary soldiers. However, those who acknowledge the United States and other coalition forces as continuing parties to the conflict might insist that U.S. armed guards cannot be called mercenaries.

М.П. Булгакова, Т.П. Бахун
БГЗУ (Минск)

РОЛЬ МИНИМАЛЬНЫХ ТИПОВЫХ КОНТЕКСТОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕМАНТИКИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Весь ход развития лингвистики второй половины XX — начала XXI вв. подтвердил справедливость утверждения Ю.А. Апресяна, который в предисловии к одному из

изданий «Лексической семантики» заметил, что «нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха семантики». Обращение к содержательной стороне языка затрагивает анализ языковых единиц различного уровня от изучения семантики служебных слов до разбора смысловых характеристик художественного, научного и социально-политического дискурса.

На современном этапе исследования в области лексической семантики базируются на глубинном анализе контекстов. Весьма показательным в данном отношении является изучение деривационных возможностей прилагательных. Семантические особенности имен прилагательных представляют собой широчайшую область для исследовательского поиска. Это обусловлено тем, что адъективные слова обладают повышенной семантической мобильностью и, легко вступая в различные виды коннотативных связей, образуют разнообразные и по-разному организованные семантические поля. Наибольший интерес сегодня вызывают вторичные значения прилагательных, поскольку раскрытие механизмов их формирования, построение классификаций на основе тех или иных семантических признаков, сравнительный анализ результатов семантического развития этих слов в различных языках проливают свет на универсальные и специфические явления в языках и культурах различных народов.

По мнению многих исследователей, значения прилагательного манифестируются обычно расчлененными знаками — лексическими двучленными синтагмами (называемыми иногда минимальными типовыми контекстами), в силу этого семантика адъективных слов характеризуется, как правило, в связи или на фоне существительного. На этом основана точка зрения, согласно которой прилагательное обладает лишь сигнификативным содержанием, что у него, следовательно, нет собственной денотативной отнесенности.

В словарях прилагательные приводятся преимущественно в составе именных групп (прилагательное + существительное), представляющих собой минимальный контекст, который необходим для актуализации того или иного значения многозначного слова. Такой контекст достаточен лишь для констатации того, что тот или иной подкласс прилагательных объединяется по тем или иным признакам. Для более глубокого анализа многозначности прилагательных необходимо рассмотрение именных групп в широком контексте, раскрывающем скрытые семантические потенции. Привлечение к исследованию текстов помогает также расширить число примеров, максимально охватывающих релевантное множество словоупотреблений и представляющих тем самым реальное функционирование полисемантов в тексте.

Для обозначения направлений семантических переносов в литературе широко употребляются заимствованные из теории концептуальной метафоры понятия «область-источник» → «область-мишень» («область-цель», по терминологии Е.В. Рахилиной). При этом под концептуальной метафорой понимается такая познавательная операция, при которой некоторое ментальное пространство, познавательно освоенное человеком (область-источник), используется как матрица для освоения им другого ментального пространства, ранее не освоенного и концептуально не оформленного (область-цель).

При описании основных направлений семантического развития прилагательных уделяется особое внимание наиболее употребительным синонимам их производных

значений, относящимся к другим полям, поскольку синонимы связаны с многозначностью таким образом, что изменение смысла слова внутри контекста заметно тогда, когда оно совпадает со значением другого, существующего в языке слова (или оборота). Поэтому представляется важным изучение синонимических рядов, включающих вторичные значения прилагательных, что в соответствии с идеей о целостности словаря отражает системные отношения в лексике.

Е.А. Вильчицкая
БГЗУ (Минск)

ЗНАЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО АРТИКЛЯ И КОГНИТИВНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Система артиклей во французском языке на протяжении долгого времени привлекает пристальное внимание исследователей. Существуют десятки классификаций функций и значений артикля, нет также единого мнения относительно инвентаря его форм (Андреева Е.В., О значениях и функциях артиклей *le, la, les* в современном французском языке/ Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. — СПб., 2001. — С. 264–276). В отличие от свободных лексических морфем, артикль образует закрытую подсистему. При ограниченном количестве форм он способен передавать множество значений, детерминируя имя и образуя с ним одну структуру. Безусловно, этот факт является причиной значительных трудностей для тех, кто изучает французский язык. Обучаемым следует осознать, что значением в высказывании обладает не одно имя, а вся именная синтагма как структура с ее совокупностью устойчивых связей, отношений. Иначе говоря, неверно воспринимать артикль только как носитель грамматического смысла. К тому же отсутствие у него лексического смысла является причиной того, что лексическое значение имени доминирует, и грамматическое оформление именной синтагмы оказывается ошибочным.

Анализ употребления артикля в продуцируемой речи обучаемых показывает, что они испытывают, в первую очередь, трудности в различении категорий определенности/ неопределенности. Следующей по частоте неверных употреблений оказалась оппозиция определенного и нулевого артикля, свидетельствующего об отсутствии предметности. Так, в выражениях **la promotion d'échantillons de la culture populaire* вместо *la promotion des échantillons de la culture populaire*; **la perte d'intégrité de l'espace culturel* вместо *la perte de l'intégrité de l'espace culturel* ошибочно употреблен нулевой артикль как результат произвольного и рационально не обоснованного выбора.

В недавней истории лингводидактики существовала точка зрения о том, что не следует уделять излишнее внимание анализу грамматических форм, который, по мнению авторов этих идей, сводится к схоластике. Утверждалось, что рассуждения о языке оторваны от реальности, поскольку правила не способны объяснить все разнообразие значений языковых форм (Peytard, J., Genouvrier, E. *Linguistique et l'enseignement du français*. Librairie Larousse. — Paris, 1970).